

ПОЖАРНЫЙ ВЫХОД ДЛЯ ДВОИХ

ПАВЕЛ ЛИМОНОВ

Павел Лимонов

Пожарный выход для двоих

<https://litres.ru/74244517>

SelfPub; 2026

Аннотация

До свадьбы на сто сорок гостей остается двенадцать дней. На финальной проверке инженер по пожарной безопасности Инна Лукина обнаруживает запертый цепью выход и дым в служебном коридоре. Ее отрицательное заключение грозит закрыть старый загородный отель, а владелец Лев Нестеров уверен, что аудит заказали конкуренты.

Но документы не совпадают с установленным оборудованием, журналы доступа переписаны, а из современных планов исчезли целые проходы. Кто-то годами зарабатывал на безопасности отеля и теперь готов уничтожить следы.

Инне и Льву придется работать вместе, хотя ее подпись может лишить его бизнеса, а любое его давление — разрушить ее карьеру. Чем ближе они подходят к правде, тем труднее отделить профессиональное доверие от чувства, которому нельзя дать права на ошибку.

Содержание

ГЛАВА 1. Дверь на цепи	4
ГЛАВА 2. Отрицательный вывод	19
ГЛАВА 3. Владелец отвечает лично	34
ГЛАВА 4. Несуществующий ремонт	50
ГЛАВА 5. Ночная смена	65
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Павел Лимонов

Пожарный выход для двоих

ГЛАВА 1. Дверь на цепи

На третьей минуте учебной эвакуации дверь не открылась.

Я стояла у бокового выхода банкетного зала и видела, как администратор дважды нажала на горизонтальную штангу. Створка подалась на несколько миллиметров и остановилась. Девушка отступила, посмотрела на меня и потянулась к рации.

— Повторите действие без рывка, — сказала я.

Она нажала еще раз. За дверью коротко звякнул металл.

В зале одновременно находились двадцать семь сотрудников отеля. По сценарию они должны были выйти двумя потоками: через главный холл и на боковую площадку, откуда дорожка вела к северной точке сбора. Половина людей уже покинула помещение. Остальные остановились в проходе, потому что администратор, следуя инструкции, не позволяла им толкаться у закрытой створки.

— Северный выход недоступен, — передала она по рации.

— Перевожу поток к главному.

— Принято, — ответила я. — Держите проход свобод-

ным. Дарья, отмечайте время.

Моя коллега подняла планшет. Я отошла к стене, чтобы не мешать людям разворачиваться. В этот момент сигнал оповещения оборвался. Через секунду динамики снова заработали, но голосовое сообщение началось с середины фразы.

Я отметила время в своем журнале: четырнадцать часов семнадцать минут, перерыв девять секунд.

Со стороны служебного коридора потянуло горелой изоляцией.

Это уже не входило в сценарий.

— Останавливаем учебный режим. Возможное реальное задымление, — сказала я в рацию. — Выводим всех наружу. Ответственные по зонам докладывают только после пересчета.

Из холла быстрым шагом вышел мужчина в белой рубашке с закатанными рукавами. До начала тренировки он представился коротко: Лев Нестеров, управляющий партнер. Я успела заметить, что он не принес с собой ни папки, ни блокнота и знал сотрудников по именам.

— Где дым? — спросил он.

— Служебный коридор за кухней. Людей туда не пускаем. Лев взял рацию у начальника охраны.

— Кухня, доложите состав смены.

— Восемь человек. Семеро на улице, один забирал журнал температур, — ответил мужской голос.

— Фамилия?

— Котов.

Лев посмотрел в сторону кухни.

— Я проверю.

— Вы останетесь здесь, — сказала я.

Он повернулся ко мне не сразу.

— Там мой сотрудник.

— Поэтому вы назовете охране его последнее место и не добавите в коридор еще одного человека. Сигнал уже передан дежурному технику. Если есть признаки возгорания, вызываем экстренные службы.

— Дым слабый.

— Вы видели источник?

— Нет.

— Тогда не знаете, слабый ли он.

Лев удержал мой взгляд, после чего поднял рацию.

— Охрана, Котов должен быть у холодильной камеры номер два. Внутри без подтверждения от техника не входить.

Ответ пришел почти сразу:

— Котов вышел через разгрузочную дверь. Он на южной точке.

Лев закрыл глаза на одну секунду, затем спросил:

— Сколько людей не пересчитано?

— Сейчас узнаем, — ответила я.

Мы вышли во двор. Усадебный корпус стоял в сорока метрах от нового банкетного зала. Между ними тянулась закрытая галерея, которую в документах называли переходом, хо-

тя по ширине она скорее напоминала коридор. По обе стороны двора сотрудники собирались у синих табличек. Некоторые были в форменных пиджаках, повара вышли в рабочих куртках, двое уборщиков держали в руках перчатки и упаковку мешков. Никто не пытался вернуться за вещами.

Зоя Мещерина, управляющая размещением, сверяла фамилии с распечатанным списком. Она говорила громко, но без паники. Через четыре минуты после остановки учебного режима все тридцать один человек были учтены.

Администратор уже разговаривала с дежурным по номеру 112. Я попросила уточнить, что тревога перестала быть учебной: появился реальный запах горелой изоляции и дым из распределительной коробки. Точный источник мы еще не видели. Дежурный техник не заменял пожарный расчет только потому, что умел отключить линию.

Лев услышал адрес вызова и нахмурился.

— Открытого огня нет, — сказал он.

— Это установят после осмотра. В здании был дым.

— Если приедут машины, через десять минут весь поселок решит, что отель горит.

— Через десять минут я хочу знать, что внутри коробки не тлеет изоляция.

Он посмотрел на сотрудников у точки сбора и не стал отменять вызов.

До приезда расчета никто не входил в служебный коридор. Электрик отключил линию с внешнего щита и контро-

лировал температуру двери прибором. Она не росла. Охрана открыла въезд и убрала автомобиль доставки с проезда.

Пожарная машина приехала через девять минут. Начальник караула получил план, сведения о числе людей и последнее место задымления. Двое пожарных осмотрели коридор после проверки напряжения. Открытого горения не нашли, тление прекратилось после обесточивания. В распределительной коробке был оплавлен контакт и повреждена изоляция соседнего провода.

— Линию не включать до заключения электролаборатории, — сказал начальник караула Льву. — Коробку сохранить в текущем состоянии, если специалисты будут устанавливать причину.

Лев подтвердил распоряжение. Сотрудникам разрешили вернуться только в главный усадебный корпус, который не зависел от отключенной группы. Банкетный зал остался закрыт.

Расчет уехал без сирены. Несколько сотрудников снимали машину на телефоны, но Лев не требовал удалить записи. Зоя отправила им короткое сообщение с фактом: локальное задымление устранено, людей пересчитали, опасный участок обесточен, дальнейшие выводы после проверки.

Время вызова и осмотра я внесла в журнал. Позже эти девять минут стали первой точкой хронологии, которую нельзя было изменить задним числом.

Дежурный техник сообщил, что в распределительной ко-

робке служебного коридора оплавился контакт. Открытого горения не было. Он обесточил линию и установил переносное ограждение. Я попросила его ничего не разбирать до фотототфиксации и приезда специалиста, который имел право работать с этим оборудованием.

— Теперь дверь, — сказала я Льву.

Мы обошли банкетный зал снаружи. Боковой выход вел на узкую мощеную площадку. Через обе ручки была продета короткая цепь с навесным замком. Изнутри ее не было видно: створки открывались наружу, а металл скрывал широкий наличник.

Лев остановился в двух шагах от двери.

— Кто это сделал?

— Сначала зафиксируем положение.

— Я задал простой вопрос.

— И получите ответ, если не уничтожите следы раньше времени.

Он опустил руку, которой уже потянулся к замку.

Дарья сфотографировала цепь, ручки, площадку и ближайший участок стены. Начальник охраны вызвал сотрудника с журналом ключей. Замок оказался хозяйственным, таких в отеле использовали несколько десятков. Номер на корпусе почти стерся.

— Этой дверью утром пользовались? — спросила я.

Зоя ответила первой:

— В десять привозили текстиль. Тележки провели через

главный служебный вход, но я сама проверяла этот выход перед приемкой зала. Цепи не было.

— Во сколько?

— Около половины двенадцатого.

— После этого здесь работали подрядчики?

— Флористы измеряли сцену. Они входили через холл.

Лев обратился к начальнику охраны:

— Камера берет площадку?

— Только угол дорожки. Саму дверь закрывает колонна.

— Отлично выбрали место.

Я попросила Дарью записать точное положение камеры. Лев услышал и недовольно усмехнулся.

— Вы думаете, я оцениваю качество работы того, кто повесил замок?

— Я думаю, что любая версия до просмотра записей остается версией.

— Даже очевидная?

— Особенно очевидная.

С ним было удобно спорить: он слушал ответ и не подменял его следующим обвинением. При этом уступать он явно не привык.

Начальник охраны принес болторез. После повторной съемки цепь сняли, положили в чистый пакет и передали под расписку. Я проверила створки. Без цепи они открывались свободно, устройство на внутренней стороне срабатывало при первом нажатии. Сам механизм был исправен.

На звеньях цепи осталась свежая светлая царапина. Замок закрывали недавно: в скважине не было пыли, хотя остальные хозяйственные замки на территории хранились под открытым навесом. На площадке лежали два коротких обрезка упаковочной ленты и след колеса тележки.

— Цепь могла быть из нашего склада, — сказал начальник охраны. — Такие используют для летней мебели.

— Сколько их по учету? — спросила я.

Он не знал. Зоя нашла последнюю ведомость: восемнадцать цепей, из них шестнадцать на местах, одна списана, одна выдана технической службе для крепления оборудования в машине. Получателем стоял Алексей Туманов.

— Вызывайте его, — сказал Лев.

— Сначала установим, где он был и действительно ли получал, — ответила я. — Фамилия в ведомости уже не равна человеку.

Лев счел такую осторожность излишней, но согласился проверить ведомость до разговора с Алексеем.

Камера у дорожки сняла только колесо тележки и нижнюю часть рабочей обуви. Человек подошел со стороны служебного двора в 13:56, провел у двери меньше минуты и ушел тем же путем. Учебный сигнал прозвучал в 14:14. Значит, цепь установили незадолго до проверки.

— Кто знал время тренировки? — спросил Лев.

— Руководители смен, техническая служба, агентство и подрядчики, которых просили освободить зал, — ответила

Зоя. — Человек тридцать.

— Слишком много.

— Знание времени не доказывает участие, — сказала я.
— Составьте полный список. Не сокращайте его до тех, кому не доверяете.

Начальник охраны сохранил оригинальную запись на отдельный носитель. Дарья вычислила контрольную сумму файла и записала ее в акт. Рабочую копию мы использовали для просмотра, оригинал больше не открывали.

Лев спросил, зачем столько действий вокруг нескольких секунд плохого изображения.

— Потому что завтра камера может записать поверх, сотрудник забудет время, а подрядчик скажет, что файл изменили, — ответила я. — Память не является архивом.

Он посмотрел на цепь в прозрачном пакете.

— В моем отеле слишком многое держалось на памяти Виктора.

Это было первое признание проблемы, которую мы еще не успели назвать системой.

Мы вернулись в здание только после того, как дежурный электрик подтвердил отсутствие нагрева на отключенном участке. Запах еще сохранялся. В служебном коридоре горели переносные фонари, питание ближайшей группы было снято.

— На сегодня тренировка закончена, — сказала я. — Банкетный корпус не используется до отдельного решения. По

электрической части нужен акт осмотра и причина повреждения. По выходу — записи камер, журналы доступа и объяснения ответственных.

— У вас есть полномочия закрыть мой корпус? — спросил Лев.

Рядом находились Зоя, начальник охраны и двое технических работников. Я не стала отвечать так, чтобы он потерял лицо перед командой.

— Давайте обсудим это в переговорной.

— Можно и здесь.

— Можно. Тогда все услышат, что я не государственный инспектор и не приостанавливаю работу юридического лица. По договору на мероприятие наша организация выдает технический отчет страховой и агентству. После сегодняшней проверки положительного отчета не будет, пока мы не установим причины и не проверим остальные маршруты. Без него страховая не подтверждает покрытие, а агентство не выводит сюда сто сорок гостей. Решение о работе корпуса принимаете вы.

Лев оглянулся на закрытую дверь служебного коридора.

— То есть вы не закрываете. Вы делаете работу невозможной.

— Я сообщаю заказчикам фактическое состояние объекта.

— Очень удобная разница.

— Для суда, страховой и вашей подписи разница суще-

ственная.

Он провел ладонью по затылку и повернулся к Зое.

— Банкетный корпус закрыть. Сегодняшние смены оплатить полностью. Завтрашнее заселение перенести в гостевые дома, если они пройдут отдельный осмотр. Кухню не запускать до письменного акта электрика.

— Поняла, — ответила Зоя.

— И найдите Виктора.

— Он ездил к поставщику. Телефон вне сети.

Лев посмотрел на меня.

— Виктор Серов — технический директор. Семь лет знает здесь каждый кабель.

— Значит, завтра он сэкономит нам время.

— Если это сделали конкуренты, я найду способ доказать.

— Докажите. Версия станет фактом, когда у нее появится проверяемое основание.

Переговорная находилась в главном корпусе. Там уже ждали Арсений Гуцин из страховой и координатор свадебного агентства. Я подготовила промежуточный акт на семи страницах. Дарья добавила фотографии и время событий. Лев ходил между столом и окном, отвечая на звонки. Он не повышал голос, но после каждого разговора список отмененных задач рос: дегустация, монтаж сцены, доставка текстиля, репетиция ведущего.

— Двенадцать дней, — сказал он, когда я передала акт Гуцину. — До свадьбы двенадцать дней. Сколько вам нужно?

— Пока не знаю.

— Это не срок.

— У меня нет причины назвать срок до обследования.

Координатор агентства раскрыла календарь подрядчиков. Через два дня требовалось подтвердить монтаж сцены, через четыре — доставку мебели, через шесть — окончательное число гостей. Каждый перенос создавал отдельные расходы.

— Если мы получим условное согласование? — спросила она. — Например, открываем только банкетный зал, а гостей размещаем в другом месте.

— Сегодня я не могу подтвердить независимость зала от служебного крыла, — ответила я. — Система оповещения общая, электрическая линия проходит через закрытый коридор. Сначала схема и испытания.

— А если Лев подпишет ответственность на себя?

— Подпись собственника не заставит работать выход или провод.

Гущин поддержал меня. Страховая оценивала техническое состояние, а не готовность владельца принять убыток. Лев перестал спрашивать о двух днях и потребовал список решений, которые можно принять сегодня.

Я назвала первичные меры: закрыть корпус, сохранить записи, обесточить линию, проверить остальные выходы, определить состав группы и получить документы. Ни одно действие не возвращало свадьбу. Все сокращали неизвестность.

— Сколько людей вам нужно? — спросил Лев.

— Два специалиста нашей группы, ваш электрик, системный администратор, ответственная за размещение и доступ к архиву. Остальные по запросу.

— Будут.

Он не предлагал заменить экспертов своей технической службой. С моим выводом Лев пока не согласился, зато выделил ресурсы для его проверки.

— Два дня?

— Возможно.

— Неделя?

— Возможно.

— После такого ответа обычно начинают искать другого эксперта.

— Вы вправе расторгнуть договор. Сегодняшний акт и материалы все равно останутся у заказчиков.

Гущин кашлянул, напоминая о своем присутствии.

— Страховая приостанавливает подтверждение по мероприятию до итогового отчета, — сказал он. — Я бы не советовал менять организацию посреди проверки. Это создаст еще больше вопросов.

Лев сел напротив меня.

— Хорошо. Что вы хотите получить сегодня?

— Журналы обслуживания системы оповещения за год, акты по аварийному освещению, записи камер с одиннадцати утра, список всех ключей от хозяйственных замков и выгрузку событий за последние семь суток.

— Семь суток зачем?

— Чтобы увидеть обычный режим и отличить от него сегодняшнее вмешательство.

— А если вмешательства не было?

— Тогда выгрузка это покажет.

Через двадцать минут системный администратор принес ноутбук. Локальный журнал открывался в служебной программе, облачная копия обновлялась раз в час. Я попросила выгрузить данные в исходном формате и отдельно сделать рабочую таблицу, чтобы не изменять первичный файл.

Лев стоял за плечом администратора. Я указала на запись, появившуюся в списке за минувшую ночь.

02:14. Переход в сервисный режим.

02:16. Отключение контроля северного выхода.

02:19. Восстановление контроля.

— Кто работал в это время? — спросила я.

Администратор побледнел.

— По графику никто.

— Какая учетная запись?

Он раскрыл подробности события.

— Третий уровень. Технический директор.

В комнате никто не заговорил сразу. Лев прочитал три строки, попросил увеличить шрифт и проверил дату.

— Виктор утверждал, что был дома, — сказал он.

— Теперь у нас есть первый вопрос, на который он должен ответить, — сказала я.

Лев выпрямился.

— И первая причина не выпускать вас отсюда, пока вы не выясните, кто полез в мою систему.

— Вы не можете меня не выпустить.

— Я знаю. Поэтому предложу вам гостевой дом, рабочее место и доступ к архиву.

— Это звучит разумнее.

— Не привыкайте. Завтра я снова буду спорить.

— Завтра принесите документы. Спорить можно после них.

Я сохранила номер выгрузки в журнале. С этой минуты проверка перестала быть обычным предсвадебным аудитом.

ГЛАВА 2. Отрицательный вывод

Утром на столе переговорной лежали три папки, два ноутбука и список вопросов, который за ночь вырос до сорока семи пунктов.

Я пришла в половине восьмого. В главном корпусе уже работала стойка размещения, хотя банкетный зал и служебное крыло оставались закрыты. Гостей из двенадцати занятых номеров предупредили о технических работах и предложили переехать в отдельные дома. Девять согласились, трое решили уехать раньше. Зоя подготовила возвраты без спора о тарифах.

Это было правильное решение и заметная потеря денег. Я отметила оба факта.

Лев вошел через пять минут с картонным подстаканником.

— Черный без сахара? — спросил он.

— Почему вы решили?

— Вчера вы отказались от чая, потому что в нем уже был сахар. Других данных нет.

Я взяла стакан.

— Спасибо. Это не влияет на отчет.

— Я надеялся купить хотя бы один мягкий абзац.

— За кофе вы получите точную пунктуацию.

Он поставил второй стакан перед своим местом.

— Уже выгоднее, чем вчера.

В восемь началась видеоконференция. Таисия Веденская подключилась из своей кондитерской: за ее спиной сотрудники выставляли на стеллажи коробки. Денис Лавров сидел рядом и делал пометки в блокноте. Координатор агентства Ольга сообщила, что монтаж декора должен начаться через восемь дней. Если к вечеру третьего дня не будет подтвержденного плана, подрядчиков перенаправят на запасную площадку.

— Мне нужен ответ без рекламных формулировок, — сказала Таисия. — Свадьбу здесь можно провести?

— Сейчас нет, — ответила я.

Лев не перебил.

— Что должно измениться? — спросил Денис.

— Нужно восстановить работоспособность всех маршрутов, проверить систему оповещения, аварийное освещение и фактическое соответствие документов оборудованию. Отдельно установить причину ночного сервисного входа и цепи на двери.

— Сколько времени?

— После первичного обследования дам диапазон.

Таисия посмотрела на Льва.

— Вы говорили, что у отеля действуют все необходимые документы.

— Документы есть, — ответил он. — Вчера мы обнаружили факты, которых в них нет. Я не буду убеждать вас при-

езжать, пока не получу подтверждение от независимой группы.

— А версия о конкурентах?

— Проверяется.

— Это значит, что доказательств пока нет?

— Да.

Для него это слово далось нелегко. Я увидела только то, что после ответа он перестал крутить ручку между пальцами и положил ее на стол.

Таисия дала нам семьдесят два часа на перечень работ, сроки и решение о переносе. Положительного отчета она не требовала. Это было разумно. Я ожидала уговоров, угроз отзывом и разговора о репутации. Вместо этого она спросила, останется ли предоплата защищенной по договору, и попросила Ольгу подготовить запасной вариант.

После конференции Ольга осталась на связи. Она показала схему свадебного дня: регистрация на террасе, ужин в банкетном зале, проживание в сорока восьми номерах, работа двадцати семи внешних подрядчиков. Вместе с сотрудниками отеля на территории могло находиться больше двухсот человек.

— В договоре указано сто сорок гостей, — сказала я.

— Подрядчики и персонал считаются отдельно.

— Для эвакуации отдельно они не исчезают.

Мы запросили общий список работающих на площадке, время прибытия и ответственных. Оказалось, флористы, му-

зыканы и световая бригада имели разные инструкции и разные точки сбора. Световая бригада вообще считала, что после сигнала должна сначала обесточить оборудование.

— Они не сотрудники отеля, — сказала Ольга.

— Поэтому их надо включить в общий план до начала монтажа. Во время тревоги никто не будет разбираться в форме договора.

Она добавила отдельный инструктаж в график запасной площадки тоже. Проблема «Северного сада» улучшала подготовку свадьбы независимо от места.

Лев получил расчет потерь при переносе. Он прочитал сумму и сразу спросил о крайнем сроке освобождения подрядчиков. Если решение принять в течение семидесяти двух часов, часть платежей можно было перенести. После — почти все становилось невозвратным.

— Значит, у нас не срок на устранение, — сказал он. — У нас срок на честный план.

— Да, — ответила я.

Это была первая формулировка Льва, которую мне не пришлось исправлять.

После конференции Лев закрыл ноутбук.

— Вы могли сказать, что решение возможно после устранения нарушений.

— Я так и сказала.

— Сначала прозвучало «сейчас нет».

— Потому что вопрос был о текущем состоянии.

— Вы всегда отвечаете именно на тот вопрос, который вам задали?

— В работе стараюсь.

— Опасное качество для семейных праздников.

— Зато полезное для эвакуации.

Он помолчал, затем придвинул ко мне первую папку.

— Система оповещения. Обслуживание за двенадцать месяцев. Виктор приехал сорок минут назад и готов объяснять.

До его прихода мы проверили внешнее состояние остальных выходов. Два открывались свободно, у третьего стояли коробки с посудой на ширину около полуметра. Сотрудники считали проход доступным, потому что человек мог протиснуться.

— Убираем полностью, — сказала я.

Заведующая складом возразила, что коробки привезли для свадьбы и другого сухого места нет. Лев распорядился арендовать контейнер. Я попросила сначала проверить, можно ли хранить там посуду по условиям поставщика. Зоя нашла свободное помещение в гостевом доме, и дорогая аренда не понадобилась.

Этот маленький эпизод показал две привычки. Сотрудники воспринимали частично свободный проход как свободный. Лев отвечал на препятствие деньгами быстрее, чем проверял простое решение. Обе привычки были исправимы без героизма.

Мы сфотографировали выход до и после освобождения,

назначили Зою ответственной за ежедневную проверку. Она попросила форму на одну страницу, а не новый толстый журнал.

— Дата, время, фамилия, замечание и устранение, — сказала я. — Этого достаточно.

— Вот за это я вас почти люблю, — ответила Зоя.

— Не торопитесь. Впереди архив.

— Сначала документы, потом объяснения.

— Я уже слышал.

Виктор Серов оказался невысоким плотным мужчиной с аккуратно подстриженными седыми волосами. Он принес свой ноутбук, планшет и отдельную папку с копиями. Пока я просматривала акты, он рассказывал историю реконструкции: какие стены нельзя было штробить, где пришлось менять трассу, почему подрядчик ушел с объекта за месяц до сдачи.

Информации было много. Ответа на ночной вход среди нее не было.

— Виктор Петрович, — остановила я его, — в два часа четырнадцать минут ваша учетная запись перевела систему в сервисный режим. Где вы находились?

— Дома. Я уже сказал Льву Андреевичу. Наверняка программа сохранила старый вход. Там обновление кривое, мы давно просили заменить.

— Кто имеет доступ к вашей записи?

— Администратор. Иногда дежурный инженер, если ава-

рия.

Системный администратор, сидевший у дальней стены, поднял голову.

— Пароль персональный. Я могу сбросить, но не вижу действующий.

— А токен? — спросила я.

Виктор похлопал по карману брюк.

— При мне.

— Всю ночь?

— Всю ночь. Послушайте, запись ничего не доказывает. Если кто-то хотел подставить отель, он мог заранее украсть данные.

— Мог. Когда вы последний раз меняли пароль?

— Месяца два назад.

— По журналу — одиннадцать месяцев назад, — сказал администратор.

Виктор повернулся к нему.

— Значит, перепутал. У меня двадцать сервисов.

Я записала обе версии. Лев сидел напротив Виктора и не вмешивался.

— Цепь на двери ваша? — спросила я.

— Хозяйственная. Таких полно. Я вчера ездил к поставщику, вернулся после шести. Что было днем, не видел.

— Какой поставщик?

— «СеверМонтаж». Они везут аккумуляторы для аварийных светильников.

— Накладная есть?

— Будет с поставкой.

— Подтверждение вашего визита?

— Вы меня проверяете или системы?

— Сейчас устанавливаю источник доступа. Если ответ не относится к проверке, я его исключу.

Виктор посмотрел на Льва.

— Ты позволишь устраивать допрос сотрудникам?

— Это не допрос, — ответил Лев. — Ты можешь не отвечать. Тогда в акте останется, что подтверждения поездки нет.

— Семь лет я держу эту развалину на ходу.

— Именно поэтому я хочу понять, кто вошел под твоей учетной записью.

Виктор откинулся на спинку стула.

— Позвоните поставщику. Я был у них.

Проверка звонка заняла десять минут. На проходной подтвердили, что автомобиль отеля въезжал на территорию в пятнадцать сорок и выехал в шестнадцать двадцать. Кто находился за рулем, камера у ворот показывала плохо. Это подтверждало поездку машины, но ничего не говорило о ночи.

Мы перешли к актам обслуживания. В двух документах стояла подпись младшего инженера Алексея Туманова. Работы проводились в дни его смен. Третий акт подписал Виктор. В перечне значилась замена блока резервного питания и восьми светильников в старом корпусе.

— Покажите замененные блоки, — попросила я.

— Они уже установлены.

— Тогда старые.

— Утилизированы подрядчиком.

— Акт передачи?

Виктор нашел его не сразу. Копия была плохой: нижняя часть страницы уходила в серую полосу, номер машины не читался.

— Оригинал у подрядчика, — сказал он.

— Запросите.

— Сегодня воскресенье.

— По договору их аварийная служба работает ежедневно.

Он прищурился.

— Вы успели прочитать договор?

— До выезда. Это часть моей работы.

Лев перевел взгляд с него на меня.

— Виктор, запроси оригинал.

Мы закончили разговор около одиннадцати. Серов ушел на объект, пообещав собрать техническую группу. Я внесла в таблицу расхождения и открыла папку с сертификатами.

Документ на устройства аварийного освещения выглядел обычным: производитель, серия, срок действия, приложение с моделями. Я сверила номер с внутренней базой нашей компании. Поиск выдал два результата.

Первым был «Северный сад».

Вторым — спортивный комплекс в Гатчине, который наша организация проверяла полгода назад. Там тот же номер

относился к другой партии и другому поставщику.

Я увеличила скан. Шрифт в строке с наименованием заказчика едва отличался от остальных. На экране это было почти незаметно, но край букв расплывался сильнее.

— Дарья, открой оригинал из Гатчины.

Она нашла файл в архиве. Мы положили документы рядом. Основная часть совпадала до случайной царапины на печати.

Лев подошел к столу.

— Что это значит?

— Ваш сертификат сделали из чужого скана. Название объекта и поставщика заменили.

— Оборудование может быть тем же?

— Может. Пока мы не проверили маркировку и происхождение, я этого не знаю.

— Сколько таких документов?

— В папке сорок три. Начнем с выборки по критическим системам, затем расширим, если найдем еще совпадения.

— Проверьте все.

— Для этого понадобится больше трех дней.

— Значит, наймите людей.

— Группа формируется не по желанию владельца. У специалистов есть другие договоры и предел рабочих часов.

— Назовите цену и срок.

— Сначала Оксана утвердит расширение. Стоимость уйдет заказчикам, потому что исходный договор заключали

они.

Лев постучал указательным пальцем по столу.

— Вот снова ваша удобная конструкция. Работа идет в моем отеле, а управляю ею не я.

— Вы управляете отелем. Проверкой управляет моя организация. Иначе она теряет смысл.

Он убрал руку.

— Хорошо. Отправляйте запрос.

Оксана подключила еще одного специалиста удаленно и обещала прислать инженера по системам оповещения на следующий день. Мы составили план обследования: банкетный корпус, служебное крыло, главный дом, гостевые дома. До отдельного осмотра заселять можно было только те помещения, которые не зависели от поврежденной линии и имели самостоятельные выходы.

После обеда я прошла гостевой дом вместе с Зоей. Двадцать номеров, два этажа, наружная лестница, отдельная сигнализация. Здесь не было серьезных замечаний, кроме загроможденного шкафа с инвентарем у одного выхода. Зоя вызвала сотрудника, и вещи перенесли при мне.

— Мы правда можем принимать здесь людей? — спросила она.

— После проверки связи с пультом и оформления временной схемы размещения. Дарья закончит сегодня.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что не закрыли все одной строчкой.

— Я не закрываю. И одна строчка не заменяет обследования.

Зоя улыбнулась.

— Теперь понимаю, почему Лев Андреевич на вас злится.

— Он злится на обстоятельства.

— Нет. На обстоятельства он составляет таблицу. На вас спорит.

Я не стала развивать тему. В тот момент Лев стоял у въезда и разговаривал с бригадиром электриков. Он держал в руках смету и показывал конкретные позиции, а не изображал участие для сотрудников. Через несколько минут бригадир достал калькулятор.

Вечером мы снова собрались в переговорной. За день подтвердили исправность гостевых домов, выявили два светильника с маркировкой, не совпадающей с паспортом, и получили предварительный акт электрика: причиной задымления стал ослабленный контакт, однако мастер отметил следы недавнего вскрытия коробки.

— Это могло произойти при обычном обслуживании? — спросил Лев.

— Могло, — ответил приглашенный специалист. — Но после обслуживания должен быть акт. И контакт тогда обязаны были затянуть.

Виктор сообщил, что коробку не открывали минимум полгода.

Я свела сведения в промежуточную таблицу и назвала диапазон:

— На полный план исправлений нужно двое суток. На работы — от четырех дней, если оборудование есть у поставщиков. Положительный отчет к свадьбе возможен только при отсутствии новых критических расхождений.

— Вероятность? — спросил Лев.

— Я не оцениваю ее в процентах без расчета.

— Ваш личный прогноз.

— Сейчас я бы готовила запасную площадку.

Он принял ответ без возражений. Затем придвинул ко мне распечатку списка ключей.

— Хозяйственных замков сорок восемь. Три ключа подходят к цепи по типу. Один у Виктора, один на посту охраны, один в сейфе управляющей.

— Кто открывал сейф?

— Зоя утром. До этого — четыре дня назад по журналу.

— Камеры на посту охраны?

— Есть. Смотрим с одиннадцати вчерашнего дня.

Мы поднялись в небольшую комнату рядом с главным въездом. Запись с камеры шла без звука. В 12:31 на пост зашел мужчина в рабочей куртке и кепке. Камера снимала его сверху, лицо оставалось в тени козырька. На руках были серые перчатки.

Начальник охраны увеличил журнал выдачи.

— Записан ключ от склада текстиля, — сказал он. — По-

лучатель — Туманов.

— Алексей в это время был на обеде, — возразила Зоя.
— Я видела его в столовой.

Лев посмотрел на подпись.

— Это не его почерк.

— Откуда вы знаете? — спросила я.

— Он подписывает служебные записки. У него буква «Т» печатная.

Я попросила принести образцы, не трогая оригинал журнала. Через десять минут перед нами лежали две подписи. Они различались заметно.

Охранник на записи отвлекся на въезжающий фургон и не сверил фотографию в карточке. Человек получил ключ, указал чужую фамилию и вышел в сторону банкетного корпуса. Через семь минут он вернул связку другому сотруднику смены. Тот поставил отметку, не спросив подпись получателя.

— Он знал смену поста, — сказал Лев.

— Или воспользовался тем, что охранник отвлекся, — ответила я. — Не приписываем ему знание без основания.

На записи виднелся край эмблемы на куртке. Такую форму техническая служба носила до смены дизайна. Зоя вспомнила, что старые комплекты хранились на складе и выдавались для грязных работ без журнала.

Мы остановили выдачу и опечатали шкаф после составления списка. Не хватало двух курток и одной кепки. Последним склад открывал Виктор по заявке на уборку старого

оборудования.

Эта связь еще не доказывала, что на записи был Виктор. Она объясняла, почему одежда незнакомого человека не вызвала вопрос у охраны.

Вопрос о случайном хозяйственном замке больше не казался главным.

ГЛАВА 3. Владелец отвечает лично

Алексей Туманов смотрел на подделанную подпись так, словно от него требовали признать собственный почерк неправильным.

Мы встретились в служебной столовой. Я выбрала это место вместо кабинета: здесь стояли обычные пластиковые стулья, пахло выпечкой из утренней смены, а за стеклянной перегородкой было видно людей. Дверь оставили открытой. Вместе со мной пришла Дарья, со стороны отеля — Зоя. Лев остался в коридоре и не входил, хотя Алексей несколько раз посмотрел в его сторону.

— Я не брал этот ключ, — повторил он.

— Где вы были в двенадцать тридцать? — спросила я.

— На обеде. Мы с ребятами сидели вон там.

Он показал на дальний стол.

— Кто может подтвердить?

— Паша из котельной, Лена с мойки, еще водитель был.

Я не помню фамилию.

— Камера в столовой работает, — сказала Зоя. — Запись сохранилась.

Алексей немного расправил плечи.

— Вот. Посмотрите.

— Посмотрим. Когда вы в последний раз получали ключ на посту?

— В пятницу. От электрощитовой в гостевом доме.

— Подпись ставили?

— Конечно.

Я положила перед ним копию той страницы. Настоящая подпись находилась тремя строками выше поддельной. Разница была очевидной даже без экспертизы.

— Кто знает, как вы обычно расписываетесь?

— Все на посту. Виктор Петрович. Зоя Павловна. Я отчеты подписываю.

— Вчера вы сказали, что в старом корпусе меняли блок резервного питания.

— Да.

— Вы участвовали?

Он посмотрел на Дарью, затем на открытую дверь.

— Я был на смене.

— Это не ответ.

— А что вы хотите услышать?

— Что именно вы делали. Какие устройства сняли, какие установили, кто проверял работу.

— Подрядчик делал. Я помогал.

— В чем помогали?

— Открывал помещения. Показывал линии.

— Вы видели, как заменили блок?

Алексей опустил взгляд на свои ладони.

— Нет.

— Почему подписали акт?

Он молчал достаточно долго, чтобы Зоя сдвинула стул и собиралась вмешаться. Я остановила ее рукой.

— Виктор Петрович сказал, что все сделали, — ответил Алексей. — Я был на выезде во втором доме. Когда вернулся, подрядчики уже уехали. Акт лежал у меня на столе.

— С какой датой?

— С тем днем.

— Вы подписали работу, которую не принимали.

— Он сказал, что сам проверил.

— Почему его подписи нет?

— Не знаю.

— Знаете, — сказала Зоя тихо. — Леша, сейчас уже поздно защищать то, чего ты не делал.

Он резко повернулся к ней.

— А кто меня защитит? Вы? Если все закроют, вы бухгалтерию найдете, а я куда пойду? У меня год стажа. В любой новой компании спросят, почему ушел перед проверкой.

В его словах не было красивой преданности наставнику. Был обычный расчет человека, которому нужны зарплата и запись в трудовой.

Я закрыла папку.

— Вас не просят выбирать между работой и правдой. Я фиксирую технические обстоятельства. Кадровые гарантии должен дать отель.

— На словах?

— Нет.

Зоя вышла в коридор. Через минуту в столовую вошел Лев.

— Ты слышал? — спросил Алексей.

— Последнюю часть.

— И что теперь?

Лев не сел.

— Теперь я подготовлю приказ. Ни один сотрудник не будет наказан за сведения, которые он добросовестно передаст аудиторам или полиции. Если выяснится, что кто-то сам подделывал документы, приказ не поможет. За чужую подпись отвечать не заставляю.

— Виктор Петрович скажет, что я его подставил.

— Это он будет обсуждать со мной.

— А если отель закроется?

Лев оперся ладонями о спинку свободного стула.

— За эту неделю вы получите полную оплату по графику. Дальше я дам письменный план после решения страховой. Обещать, что ничего не изменится, не стану.

Алексей кивнул не сразу.

— Тогда я напишу, как было.

— Пиши сам, — сказала я. — Не переписывай чужие формулировки. Укажи дату, время, где находился и что видел.

Он попросил чистые листы.

Проверка записи из столовой подтвердила его слова. В двенадцать двадцать восемь Алексей вошел с тремя сотрудниками, в двенадцать сорок семь вышел. Человек в рабо-

чей куртке получил ключ в двенадцать тридцать две минуты. Подделка фамилии была нужна не для того, чтобы обвинить Алексея позже. Скорее, тот, кто заполнял журнал, рассчитывал, что строку никто не станет проверять.

Я перечитала собственную формулировку и убрала слово «скорее» из протокола. Мотив не был фактом. В документе осталось: подпись выполнил другой человек в период подтвержденного нахождения Алексея в столовой.

— Что теперь будет со мной? — спросил он.

— Я не принимаю кадровых решений, — ответила я. — Вы дадите письменное объяснение о тех актах, которые подписывали сами, и отдельно о подделанной строке.

— Если признаюсь про остальные, Виктор меня уволит.

Лев стоял в коридоре и слышал. Он вошел только после того, как я спросила Алексея, согласен ли тот на его присутствие.

— Виктор не принимает решение об увольнении единолично, — сказал Лев. — И с этого момента никто не увольняет сотрудника за добросовестное сообщение без проверки юриста и управляющей.

— А если я подписал то, чего не видел?

— Тогда отвечаешь за свою подпись. Но не за чужую.

Алексей попросил оформить слова письменно. Лев не обиделся на недоверие. Вызвал юриста и продиктовал основу приказа: защита сообщений о нарушениях, запрет давления, отдельное рассмотрение собственной ошибки сотруд-

ника и сохранение документов.

Юрист добавил канал обращения вне технической службы. Сотрудник мог написать Зое, финансовому директору или на специальный адрес, доступный второму собственнику.

— Почему второму? — спросил Лев.

— Чтобы сообщение о вас тоже не пришло только вам, — ответил юрист.

Лев помолчал и согласился.

Приказ защищал не только Алексея от Виктора. Он ограничивал самого Льва. Поэтому ему можно было доверять больше устного обещания.

Алексей подписал объяснение о трех актах. Один он проверил лично, второй подписал после слов Виктора, третий отказался подписывать. Деньги и подарки отрицал. Дарья предупредила, что объяснение войдет в материалы проверки и его содержание будут сверять, но не требовала назвать виновного.

После разговора Алексей вернулся на смену под руководством Зои, а не Виктора. Это сохраняло его работу и не давало доступа к спорным документам без второго сотрудника.

Ключ вернули через двадцать шесть минут. На камере снова была видна только спина. Куртка относилась к старой форме технической службы: серый материал, светоотражающая полоса на плечах, логотип прежнего управляющего. После смены бренда такие комплекты убрали на склад.

— Доступ к складу у кого? — спросила я.

— У Зои, Виктора и кладовщика, — ответил начальник охраны. — Вчера кладовщик был на больничном.

— Журнал электронный?

— Обычный замок. Ключи на посту.

Лев посмотрел на него.

— Значит, можно было сначала взять форму, потом получить второй ключ под чужой фамилией?

— Получается, да.

— И никто не спросил, почему сотрудник закрывает лицо кепкой в помещении?

Начальник охраны покраснел.

— Дежурный отвлекся на машину у ворот. Человек назвал фамилию, расписался, взял ключ.

— Кто дежурил?

— Сазонов.

— Он продолжает смену?

— Да.

— Не отстраняйте его до разговора. Сначала пусть даст объяснение, — сказала я.

Лев повернулся ко мне.

— Вы сейчас защищаете человека, который выдал ключ неизвестному?

— Я сохраняю источник сведений. Если вы уволите его до объяснения, получите обиженного бывшего сотрудника и потеряете возможность проверить порядок событий.

— Он нарушил инструкцию.

— Разберете после того, как зафиксируете факты.

Лев несколько секунд смотрел на камеру, где человек в серой куртке исчезал за служебной дверью.

— Хорошо. Сначала объяснение.

Приказ о защите сотрудников он подписал до полудня. Его разослали по внутренней почте и повесили в комнате отдыха. Формулировки проверил юрист отеля: гарантия распространялась на добросовестные сообщения о нарушениях и запрещала руководителям менять смены, премии или обязанности в качестве давления.

Я не ожидала, что Лев сделает это так быстро. Владельцы объектов часто соглашались на прозрачность, пока она оставалась темой совещания. Письменный документ был дороже обещания: позже на него можно было сослаться.

— Вы довольны? — спросил он, когда принес копию.

— Это правильный шаг.

— Я спросил не об оценке шага.

— В работе мне достаточно оценки шага.

— Удобно.

— Мы уже обсуждали это слово.

— И еще обсудим.

Он положил копию на стол и вышел встречать подрядчика по дверям.

До обеда я проверяла обучение персонала. Вместо общей лекции мы прошли группы по зонам. Сотрудники кухни

знали основной выход, но двое не могли назвать резервный маршрут после закрытия галереи. Горничные по привычке собирались у стойки, хотя временная точка находилась за парковкой. Ночной администратор считал, что обязан проверить каждый номер сам. При заполненном отеле это задержало бы его и создало бы риск повторного входа.

Я меняла инструкции сразу, но не заставляла людей заучивать мои фразы. Каждый ответственный должен был понимать, где его зона заканчивается и кому он передает сведения.

Лев участвовал в обходе с группой размещения. Он не держался рядом со мной и не объяснял сотрудникам, что уже все знает. Когда Зоя назначила ему роль ответственного за гостевой дом, он взял список и встал к запасной лестнице.

— Вы могли наблюдать, — сказала я, когда мы остались на площадке второго этажа.

— Тогда они будут смотреть на меня вместо маршрута.

— Обычно владельцы хотят контролировать центр.

— Обычно владельцы не стоят у закрытой двери, когда из коридора пахнет горелым.

Он произнес это без попытки вызвать сочувствие. Я отметила, что в его руках список был сложен вчетверо, но фамилии он называл без подсказки.

— Вчера вы правильно остались снаружи, — сказала я.

— Вы так говорите, будто ожидали другого.

— Вы собирались идти за Котовым.

— Собирался.

— И остановились.

— Потому что вы назвали последствие. Не потому что любите командовать.

— Это комплимент?

— Рабочая оценка шага.

Я рассмеялась. Коротко и не вовремя: Зоя как раз поднялась на площадку с двумя администраторами. Лев ничего не добавил, только развернул список.

После тренировки мы получили объяснение охранника. Сазонов признал, что не сверил фотографию в электронной карточке с человеком у стойки. Тот назвал имя Алексея, сказал, что Виктор срочно отправил его проверить склад, и указал точное место, где хранился ключ. Сазонов решил, что перед ним сотрудник из соседней смены.

Лев спросил, сколько таких исключений Сазонов допускал раньше. Охранник сначала ответил, что это первый случай, затем вспомнил курьеров Виктора и двух подрядчиков, которых пропускал по звонку без записи.

— Почему не вносили потом? — спросила Зоя.

— Все своих знают. Я думал, журнал нужен для чужих.

— Журнал нужен именно тогда, когда человек выглядит своим, — сказала я. — Чужого вы и без него остановите.

Мы не заставляли Сазонова угадывать даты по памяти. Подняли звонки поста и записи въезда за месяц. Нашли семь проходов по устному подтверждению Виктора. Четыре ма-

шины принадлежали «СеверМонтажу», две — поставщику продуктов, одна имела нечитаемый номер.

Лев хотел немедленно вызвать всех водителей. Дарья напомнила: сначала следовало сохранить записи и зарегистрировать сообщение, иначе люди могли согласовать версии.

— Но это моя охрана, — сказал он.

— Поэтому вы обеспечиваете доступ к журналам. Объяснение Сазонова фиксируем в рамках аудита, а при регистрации сообщения передаем вместе с записями.

Начальник охраны передал копии записей по описи, оригиналы сохранили на сервере без изменений. Мы не просили Льва самостоятельно вызывать водителей и сопоставлять их версии.

— Голос узнаете? — спросила я.

— Если услышу, может быть. Он говорил глухо, как будто простыл.

— Рост, телосложение?

— Средний. Не худой. Руки в перчатках.

— Какие перчатки?

— Серые рабочие.

Описание подходило половине технической службы. Мы не стали показывать ему фотографии и собирать ненадежное опознание. Объяснение сохранили, видеозапись скопировали в двух экземплярах.

К четырем часам Алексей принес два листа, написанных неровным почерком. Из них следовало, что Виктор просил

его подписать еще один акт задним числом. На этот раз речь шла о проверке аварийного освещения в старом корпусе. Алексей отказался, и акт подписал сам технический директор.

— Почему утром вы об этом не сказали? — спросила я.

— Думал, одного хватит.

— Для чего хватит?

— Чтобы вы поняли.

— Мне нужно установить факт.

Он устало потер лицо.

— Второй акт у Виктора Петровича в красной папке. Он хранит ее в нижнем ящике.

— Вы видели документ?

— Да. Там дата — двадцать девятое июня. В этот день светильники не проверяли. У нас свадьба была, я всю смену провел в новом корпусе.

Дарья записала номер акта. Я попросила Алексея дополнить объяснение и указать, кто еще видел его на свадьбе.

Лев слушал молча. Когда Алексей ушел, он открыл рабочий календарь отеля. Двадцать девятого июня банкетный зал был занят с семи утра до двух часов ночи. Техническая служба обеспечивала мероприятие. Отдельная проверка старого корпуса в графике отсутствовала.

— Красная папка, — сказал Лев. — Идем к Виктору.

— Сначала пригласите его сюда и попросите принести акт.

— Чтобы он успел его убрать?

— Если вы войдете в кабинет без него и начнете искать документы, он скажет, что папку подложили или забрали. Кабинет служебный, вы имеете доступ, но нам нужна прослеживаемая процедура.

Лев вызвал юриста, начальника охраны и Виктора. Технический директор пришел через семь минут. Красной папки у него не было.

— Акт за двадцать девятое июня? — переспросил он. — Не помню. Посмотрю в архиве.

— Алексей говорит, что документ в нижнем ящике вашего стола, — сказал Лев.

Виктор медленно перевел взгляд на меня.

— Теперь стажеры руководят проверкой?

— Сейчас мы проверим конкретное сообщение, — ответила я. — Вы согласны открыть кабинет при свидетелях?

— Это кабинет компании. Пусть Лев открывает что хочет.

Мы прошли в техническое крыло. Виктор сам выдвинул нижний ящик. Красная папка лежала под инструкциями к котельному оборудованию. В ней находился акт от двадцать девятого июня с его подписью и отметкой о полном испытании двенадцати светильников.

Кроме акта в папке лежали фотографии светильников. На всех двенадцати кадрах время съемки совпадало до секунды, а фон повторялся. Дарья заметила, что устройства фотографировали на одном столе, а разные номера помещений

добавили только в подписи.

— Так и делаем при приемке партии, — сказал Виктор.
— Нет смысла снимать каждый светильник на потолке.

— Тогда фотографии подтверждают наличие партии, а не монтаж, — ответила я. — Почему в акте названы проверкой по местам?

— Форму готовил подрядчик.

— Вы подписали.

— Потому что работы выполнили.

Мы запросили журнал отключений на двадцать девятое июня. Для испытания аварийного освещения требовалось обесточить группы. В журнале не было ни одного отключения. Система не фиксировала переход на резерв.

Виктор заявил, что проверял каждый светильник локальной кнопкой. Технический паспорт допускал такой тест для ежемесячного осмотра, но акт описывал полное испытание времени автономной работы.

— Локальная кнопка не подтверждает девяносто минут, — сказал Игорь.

— У нас мероприятие шло, отключать корпус было нельзя.

— Тогда полное испытание не проводилось.

Виктор не ответил. Раньше его объяснения вызывали только подозрения. Теперь требовалось выполнить процедуру, которую невозможно провести незаметно во время работы банкетного зала.

— Я перепутал дату, — сказал он. — Проверяли раньше, оформили позже.

— Когда проверяли? — спросила я.

— Нужно поднять журнал.

— Кто участвовал?

— Подрядчик.

— Какой?

— «Факел-Сервис».

В основном реестре подрядчиком значился «СеверМонтаж».

Я положила рядом два акта.

— Здесь разные организации выполняют одну и ту же работу в одном месяце. Объясните.

— Один поставляет, другой обслуживает.

— Почему в смете «СеверМонтажа» есть монтаж?

— Потому что бухгалтерия так проводит пакет.

Лев взял папку, но не открыл рот. Он уже понял то, что было важно зафиксировать: объяснения Виктора менялись после каждого документа.

Я попросила сделать копии и составить опись. Красная папка осталась в кабинете, ящик опечатали внутренней контрольной лентой до решения юриста и страховой.

Когда мы вышли, Алексей стоял у лестницы. Он увидел папку в руках юриста и сел на подоконник.

— Теперь меня уволят, — сказал он.

— Нет, — ответил Лев. — Теперь мы проверим все акты,

которые ты не видел, но должен был подписать.

К концу дня в нашей таблице было уже четыре документа с сомнительными датами.

Цепь на двери могла быть отдельной выходкой. Четыре ложных акта за один месяц означали систему.

ГЛАВА 4. Несуществующий ремонт

Оксана приехала к девяти утра и первым делом отправила меня завтракать.

— Я ела, — сказала я.

— Кофе не считается.

— В гостевом доме был йогурт.

— Когда?

Я посмотрела на часы. Ответ получался неубедительным.

Оксана сняла пиджак, повесила его на спинку стула и открыла мой журнал.

— Ты спала пять часов. Два дня можно прожить на дисциплине, на третий начнешь пропускать цифры. Дарья уже в столовой. Иди.

Она руководила мной шестой год и ни разу не использовала заботу как повод отменить требование. Поэтому я закрыла ноутбук и ушла на двадцать минут.

Вернувшись, я увидела в переговорной нового специалиста — Игоря Мельникова, инженера по системам оповещения из нашей компании. Оксана распределила задачи: он проверял физическую часть и журналы обслуживания, Дарья сводила фото и видео, я отвечала за документы и взаимосвязи. Итоговые решения оставались за Оксаной.

— Мне не нужна героиня одного объекта, — сказала она, когда мы остались на минуту вдвоем. — Мне нужна группа,

которая выдаст проверяемый результат.

— Я понимаю.

— Понимать ты умеешь. Теперь выполни.

Мы начали с красной папки. Четыре акта относились к разным работам: проверке аварийного освещения, замене блока питания, обслуживанию системы оповещения и герметизации кабельных проходов в служебном крыле. В двух документах фигурировал «Факел-Сервис», в двух — «Север-Монтаж». Подписывали Виктор, Алексей и представитель подрядчика с фамилией Кругов. Подписи Кругова на копиях различались по наклону и форме букв.

Я не стала делать вывод о подделке: это требовало отдельной проверки. В таблице появилась формулировка «визуально различающиеся подписи одного представителя».

— Вы всегда так пишете? — спросил Лев, прочитав строку.

— Как?

— Будто каждое слово потом будут разбирать в суде.

— Иногда разбирают.

— А просто сказать, что подпись поддельная, нельзя?

— Можно, если есть заключение человека с нужной компетенцией. У меня его нет.

— Зато у вас есть глаза.

— Глаза не выдают экспертных заключений.

Он поставил рядом с моим ноутбуком финансовую папку.

— Тогда дайте им цифры. Здесь платежи по обоим под-

рядчикам за два года.

— Кто подготовил?

— Главный бухгалтер. Оригиналы в системе, это заверенная выгрузка. Доступ оформлен приказом.

Я посмотрела на верхний лист. В перечне были суммы, даты, номера договоров и назначение работ.

— Вы понимаете, что мы увидим не только технические расходы?

— Я убрал все, что не относится к подрядчикам.

— Кто определил границу?

— Бухгалтер и юрист.

— Правильно.

Лев сел напротив.

— Вы ждали, что я откажусь?

— Я проверяю доступность источника. Ожидания здесь лишние.

— И все же.

— Владельцы часто дают акты и не дают платежи.

— Потому что акты объясняют, что они хотели купить, а платежи — сколько заплатили?

— И кому.

— Я заплатил слишком много?

— Узнаем после сравнения.

Он кивнул и оставил папку у меня. Через стеклянную стену было видно, как он подошел к Зое, выслушал отчет по переселению гостей и поставил подпись на возвратах. По те-

лефону он говорил почти непрерывно. Вчера мне казалось, что его главная задача — спорить с моим актом. Сегодня он предоставлял документы, которые могли навредить ему сильнее самого акта.

Суммы не выглядели невероятными. Именно это делало схему правдоподобной. Большая часть платежей соответствовала обычным работам: ежемесячное обслуживание, замена отдельных устройств, выезды. Расхождения прятались в дополнительных соглашениях. В одном квартале отель дважды оплатил поставку одинакового комплекта, причем второй раз через «Факел-Сервис». В другом акте стоимость материалов была почти вдвое выше средней, зато монтаж стоил символически мало.

Я сравнила сметы с тремя открытыми предложениями производителей за те же месяцы. Разброс цен достигал тридцати процентов, поэтому одна высокая строка сама по себе не доказывала завышение. Подозрительным был порядок: дорогой материал сопровождался скидкой на монтаж, а итог оставался чуть ниже лимита, после которого требовалось решение второго собственника.

— Кто установил лимит? — спросила я.

— Партнерское соглашение, — ответил Лев. — До пяти-сот тысяч я утверждаю сам.

Восемь дополнительных соглашений составляли от четырехста шестидесяти до четырехста девяноста восьми тысяч. Три были заключены в одну неделю для разных участков од-

ной системы.

— Их можно было оформить единым договором, — сказала Оксана.

— Можно. Виктор объяснял срочностью и разными бригадами, — ответил Лев.

— Разные бригады подтверждены?

В пропусках стояли одни и те же четыре фамилии. Договоры формально различались, а люди и даты пересекались.

Мы построили простой график: договор, сумма, участок, бригада, акт, платеж. Повтор стал виден сразу. Не каждый эпизод означал хищение, но дробление больше не выглядело случайной особенностью бухгалтерии.

Лев позвонил второму собственнику и сообщил, что проверка затронет партнерские лимиты. Не просил заранее подтвердить его добросовестность. Только обеспечил доступ к соглашению.

Я позвала Оксану.

— Нужна сверка с бухгалтером и оригиналами договоров. Здесь возможна двойная оплата.

— Возможна или есть?

— Пока возможна. Номера комплектов совпадают, но могли исправлять старую ошибку в назначении.

— Хорошо. Не беги вперед.

К полудню Игорь вернулся из старого корпуса. На стол он положил фотографии маркировки восьми светильников.

Вместе с фотографиями он принес результаты короткого

теста. Четыре устройства держали расчетный режим, два отключились раньше нормативного времени, еще два нельзя было испытывать без вскрытия. По акту все восемь обслужили месяц назад с заменой батарей.

— Если батареи меняли, они не должны потерять емкость за месяц? — спросил Лев.

— При нормальном хранении и правильной модели — не должны, — ответил Игорь. — Возможен заводской брак, но тогда нужны партия и рекламация.

Рекламации не было. В накладной значилась одна модель, на фото внутри корпуса читалась другая. Виктор назвал ее совместимым аналогом.

— Аналог дешевле почти в три раза, — сказала бухгалтер.

— Зато был в наличии.

— В акте оплачена исходная модель, — напомнила я. — Если заменили по согласованию, покажите согласование и возврат разницы.

Виктор пообещал найти письмо. К вечеру письма не оказалось.

Игорь предложил провести ночное испытание всех линий. Оксана согласовала программу с условием, что объект освободят от гостей и назначат ответственных за каждую зону. Финансовое расхождение стало основанием проверить физическую работу всей группы устройств.

— Четыре соответствуют документам, — сказал он. — Два другой серии того же производителя. Еще два без чита-

емого номера, корпуса вскрывались.

— Работают? — спросил Лев.

— При обычном тесте — да. Емкость батарей проверим отдельно. Вопрос в том, что отчет описывает другие устройства.

— Их могли заменить после акта?

— Тогда должен быть следующий акт.

Виктор сидел у стены. После вчерашнего он стал говорить меньше, но на этот вопрос ответил сразу:

— Два светильника меняли зимой после протечки. Мелкий ремонт, в общий журнал не вносили.

— Кто менял? — спросила я.

— Дежурная смена.

— Фамилии?

— Подниму график.

— Зимой протекал этот коридор? — спросил Лев.

Виктор повернулся к нему.

— Конденсат после оттепели. Ты сам видел пятно.

— Пятно было у окна, светильники стоят у лестницы.

— Вода идет по перекрытию.

Игорь спокойно вмешался:

— На корпусах нет следов воды. Есть следы инструмента и новая краска вокруг креплений. Точный срок по ним не установлю.

Виктор развел руками.

— Вот видите. Не установит.

— Поэтому мы проверяем документы, — сказала я.

Он посмотрел на меня с неприязнью, которую уже не пытался скрыть.

— Вы проверяете все, кроме главного. В городе есть «Озерный берег». Они три месяца пытаются забрать эту свадьбу. Их владелец знает людей в агентстве. Вчерашнюю цепь мог повесить любой рабочий. А вы сидите и считаете старые лампы.

— Назовите источник сведений о конкуренте.

— Весь рынок знает.

— Имя человека, дату разговора, сообщение, предложение денег?

— Вы хотите, чтобы мне прислали письмо с признанием?

— Я хочу проверяемое основание.

— Пока вы его хотите, нас уничтожат.

Лев не поддержал его.

— Виктор, дай график зимней смены и контакты «Факел-Сервиса».

— Ты серьезно считаешь, что я вешал цепь на собственную дверь?

— Я считаю, что под твоей учетной записью ночью отключали контроль. Мне нужен ответ.

— Я его дал.

— Нет. Ты назвал программу виноватой и не показал, как она создала запись.

Виктор встал.

— График будет через час.

Он ушел, не забрав планшет. Через несколько секунд вернулся, взял его и снова вышел.

— Он ваш давний сотрудник, — сказала я Льву.

— Семь лет.

— Вы доверяете ему?

— Вчера доверял.

— Сегодня?

— Сегодня проверяю.

Ответ был точным. Я не стала просить большего.

Главный бухгалтер подключилась после обеда. Она подтвердила, что «Факел-Сервис» появился по рекомендации Виктора два года назад, когда прежний подрядчик сорвал срок. Договор подписал Лев. Дополнительные соглашения готовил технический директор, бухгалтерия проверяла реквизиты и лимиты бюджета.

— Акты кто передавал? — спросила Оксана.

— Виктор Петрович. Иногда Алексей. На актах подпись Льва Андреевича или доверенного руководителя.

— Вы сверяли серийные номера материалов?

— Нет. Это техническая приемка.

— Платежи по одинаковому комплекту видели?

Бухгалтер открыла свою таблицу.

— Второй платеж прошел как расширение системы. Сумма в пределах утвержденной сметы.

— Кто утвердил расширение? — спросил Лев.

Она нашла файл и вывела его на экран. На последней странице стояла электронная отметка согласования от его учетной записи.

— Я этого не помню, — сказал он.

— Подпись ваша? — спросила я.

— Учетная запись моя. Документы я часто согласовывал пакетом по пятницам.

— Токен передавали?

— Нет. Пароль никому не говорил.

— Значит, либо вы согласовали и не запомнили, либо нужно проверять доступ к вашей записи.

Лев наклонился ближе к экрану.

— Сколько таких пакетов?

— За два года? Сотни, — ответила бухгалтер.

Он выпрямился и несколько секунд смотрел на собственную отметку.

— Выгрузите все согласования по этим двум подрядчикам. С датами и устройствами, с которых входили.

— Это займет время.

— Сколько?

— До завтра.

— Делайте.

После звонка он подошел к окну. Я ожидала, что он начнет объяснять объем работы, доверие к сотрудникам или обычную практику пакетного согласования. Он ничего не объяснил.

Через несколько минут Лев попросил выгрузить его собственный график за даты подписаний. В половине случаев он находился в Петербурге, дважды — в Москве, один раз — на объекте. Удаленное согласование было обычной практикой и само по себе не указывало на взлом.

— Пакет приходил от Виктора? — спросила я.

— Да. Он писал короткое описание и ставил ссылку на папку.

— Ссылка сохраняла версию документов на момент подписи?

Системный администратор проверил. Папка была общей, файлы можно было заменить после согласования без изменения адреса. История версий хранилась только тридцать дней.

— То есть вы могли открыть один комплект, а сейчас по той же ссылке лежит другой, — сказала Оксана.

— Мог, — ответил администратор. — Но по старым датам не докажу.

Лев не ухватился за эту возможность как за оправдание.

— По двум свежим платежам история есть?

— Да.

В одном пакет не менялся. В другом сертификат добавили через день после подписи. Это показывало оба варианта: иногда Лев соглашался с полным комплектом, иногда документы дополняли позже. Единая удобная версия снова не работала.

— В отчете разделите эпизоды, — сказал Лев. — Не пишите, что все подменили после меня.

— Мы и не написали бы, — ответила я.

— Знаю. Говорю это себе.

— Вы считаете меня идиотом? — спросил он.

— Я считаю, что вы подписывали документы без построчной проверки.

— Это более вежливая версия.

— Это факт, который вы сами сообщили.

— Руководитель не может читать каждую накладную.

— Не может. Поэтому выстраивает контроль, который не зависит от одного технического директора.

— Теперь уже выстроил.

— Теперь мы выясняем, что было до него.

Лев повернулся ко мне.

— Если ваша таблица покажет хищение, вы укажете мою подпись?

— Если она есть на связанном документе, укажу.

— Даже если докажут, что входили не с моего устройства?

— Тогда укажу и подпись, и результат проверки доступа.

— Никаких удобных версий.

— Никаких.

Он вернулся к столу.

— Хорошо. Что еще вам нужно?

К вечеру мы получили оригинал акта, который Виктор утром называл перепутанным по дате. Компания «Факел

СЗ» прислала скан с сопроводительным письмом. В ее экземпляре дата отличалась: двадцать шестое июня. Объем работ был меньше, двенадцать светильников в нем не упоминались. Подписи Льва не было.

Представитель «Факел СЗ» подключился по видео. Он подтвердил, что его бригада только осмотрела четыре устройства и заменила один контакт. Полного испытания не проводили, счет на сто двадцать тысяч рублей выставили «СеверМонтажу» и получили оплату от него.

Отель перечислил четыреста восемьдесят тысяч по документу с тем же номером.

— Куда поступила разница? — спросил Лев.

— Мы получили сто двадцать тысяч от «СеверМонтажа», — ответил представитель. — Других работ у вас не выполняли.

В банковской выписке отеля получателем всей суммы значился «Факел-Сервис». Виктор приложил к его счету акт компании с похожим названием, изменив содержание внутреннего экземпляра.

Мы запросили платежные реквизиты и оригинальное письмо. Подрядчик передал их официально. Совпадение номера акта перестало быть путаницей дат: один реальный осмотр использовали как основу для несуществующего ремонта.

— Я подписал платеж? — спросил Лев.

Бухгалтер нашла электронное согласование.

— Да.

— Тогда включайте в выборку и мою подпись.

Он не знал о подмене, но именно его согласование позволило деньгам уйти. Эта часть ответственности не требовала уголовного умысла.

Я сверила метаданные файлов. Скан из красной папки создали позже, чем документ подрядчика. Источник сам по себе еще не определял автора изменения, но последовательность стала яснее: существующий акт использовали как основу и добавили работы.

Последнее расхождение нашла Дарья. Она подняла журнал загрузки отеля за двадцать шестое июня. Машина «Факел СЗ» действительно въезжала. Двадцать девятого, когда по внутреннему акту якобы испытывали двенадцать светильников, ни один подрядчик на территорию не приезжал.

— Здесь была свадьба на сто двадцать человек, — сказал Лев. — Техническая служба работала в новом корпусе. Старый был занят гостями.

— Значит, полноценное испытание в указанное время невозможно, — сказала Оксана. — Фиксируем.

Я внесла строку в таблицу. Дата, состав работ, исполнители, источник проверки, расхождение.

Лев прочитал ее и не попросил смягчить формулировку.

В девять вечера он принес нам ужин из кухни гостевого дома: четыре одинаковых контейнера для всей группы. Мы ели прямо в переговорной, по очереди продолжая работу. Ни

кофе, ни особого знака для меня среди пакетов не было.

— Вы сами попросили приготовить? — спросила Дарья.

— Зоя напомнила, что вы здесь живые люди, — ответил он.

Оксана посмотрела на меня поверх очков. Я сделала вид, что занята таблицей.

Перед уходом мы сформировали новый перечень: двадцать семь документов предстояло сверить с фактическими устройствами и внешними источниками. Пять актов имели подтвержденные расхождения.

Один из них был датирован третьим июля. В этот день «Северный сад» официально не работал из-за плановой обработки кухни, сотрудники банкетного корпуса получили выходной, а подрядчики на территорию не въезжали.

По акту в пустом здании шесть часов трудились четверо специалистов.

Несуществующий ремонт обошелся отелю в четыреста восемьдесят тысяч рублей.

ГЛАВА 5. Ночная смена

Испытание резервного питания назначили на двадцать три часа, когда в старом корпусе не оставалось гостей.

К этому времени подрядчик заменил поврежденный контакт, проверил линию и передал акт Игорю. Мы не принимали его по одному листу: Игорь осмотрел соединение, сверил маркировку материалов и провел отдельный тест под нагрузкой. Только после этого я включила участок в программу ночной проверки.

В главном корпусе находились одиннадцать человек: наша группа, дежурные инженеры, охрана, Зоя и Лев. Каждому назначили зону. Я отвечала за общий порядок и время, Игорь находился у контрольной панели, Дарья записывала события. Лев получил список людей и точку сбора во дворе.

— Я могу быть полезнее внутри, — сказал он.

— Полезнее кому?

— Я знаю здание.

— Сегодня проверяем систему, а не вашу память. Если что-то пойдет не по программе, вы отвечаете за учет людей.

— Опять стоять снаружи.

— Если все работает, вернетесь через семь минут.

— А если нет?

— Тогда будете рады, что остались снаружи.

Он взял список.

В двадцать три ноль пять дежурный электрик отключил основную линию по согласованной схеме. В коридорах погас обычный свет и почти сразу включились аварийные светильники. Я шла от главной лестницы к северному крылу и отмечала каждый участок. Первые шесть устройств работали устойчиво. Седьмое включилось с задержкой, восьмое осталось темным.

За поворотом не загорелись еще три.

Через пять секунд коридор освещали только зеленые указатели у лестницы и мой фонарь. Для пустого здания этого хватало, чтобы выйти. При заполненных номерах люди оказались бы в незнакомом проходе с резким перепадом света.

— Северное крыло, четыре отказа, — передала я. — Игорь, фиксируйте группу. Дальше не идем. Возврат по основному маршруту.

— Принято, — ответил он. — На панели статус исправный.

Это было хуже самих погасших устройств. Система считала, что линия работает.

Мы вернулись к лестнице. У технического помещения уже стоял бригадир подрядчика, приглашенного для срочной замены.

— Надо дать батареям минуту, — сказал он. — Они после простоя иногда раскачиваются.

— Аварийный свет не получает минуту после отключения, — ответила я.

— Они новые. Контроллер мог опросить с задержкой.
Игорь показал ему экран.

— Контроллер уже выдает готовность. Четыре устройства физически не работают.

— Тогда откроем и посмотрим. Пять минут.

Бригадир взял отвертку.

— Не открывайте до фото и замера, — сказала я.

— Вы хотите до утра вокруг ламп ходить?

— Я хочу установить причину отказа до того, как вы ее измените.

— Причина — батареи. Я вам сразу говорю.

— После замера сможете подтвердить.

Он повернулся к Льву, который вошел с двора после пересчета.

— Лев Андреевич, мы сроки теряем. Сейчас заменим и запустим.

— Делайте по программе Инны Сергеевны, — ответил Лев.

— До утра провозимся.

— Значит, до утра.

Бригадир убрал отвертку в карман.

Я не поблагодарила Льва. Поддержка процедуры входила в его обязанности, и признательности он не ждал. Он уточнил, все ли люди учтены, передал мне список и ушел звонить в гостевой дом.

Замеры показали, что два аккумулятора были изношены,

хотя по акту их установили месяц назад. В одном светильнике стоял компонент другой модели. Четвертый имел повреждение контакта. Маркировка на корпусах соответствовала фотографиям, которые Игорь сделал днем, поэтому заменить содержимое между проверками не успели.

— Новые снаружи, старые внутри, — сказал он.

— Может быть ремонт с повторным использованием, — ответила я. — Нужны партия, накладные и техническое заключение.

Игорь усмехнулся.

— Ты даже ночью не разрешаешь назвать очевидное очевидным.

— Ночью особенно. Усталость любит быстрые выводы.

Оксана предложила остановить испытание и продолжить утром. По программе мы имели право завершить проверку после первого критического отказа. Я посмотрела на список оставшихся участков. Южная лестница и переход к банкетному залу питались от другой линии. Если там обнаружится такая же подмена, откладывать ее до утра было опаснее, чем потратить еще час.

— Я пройду южную группу, — сказала я.

— Нет, — ответила Оксана. — Ее пройдет Игорь. Ты остаешься у панели и принимаешь данные.

— Я знаю расположение контрольных точек.

— Он тоже. Ты руководишь проверкой или доказываешь, что можешь сделать ее одна?

При Льве мне хотелось возразить особенно сильно. Значит, соглашаться было особенно важно.

Я передала Игорю маршрут и прибор. Дарья пошла с ним для независимой записи. В помещении панели остались Алексей, системный администратор, Оксана и я. Лев вернулся к внешней точке, хотя после первого сбора мог считать задачу выполненной.

Южная группа включилась полностью. Один светильник давал меньше расчетного времени, но батарея соответствовала акту и имела заводскую дату. Это было обычное эксплуатационное нарушение, а не повторение северной схемы.

Пока Игорь проводил разрядный тест, Алексей принес накладные. В каждой строке стояло тридцать шесть одинаковых блоков одной партии. По паспортам срок хранения не был превышен.

— Кто принимал коробки? — спросила я.

— Я пересчитал количество, Виктор сверял документы,
— ответил Алексей.

— Коробки открывали?

— Три выборочно.

— Какие именно?

— Верхние на палете.

— Их ставили первыми?

Он задумался.

— Нет. Виктор велел оставить их на складе как резерв. Сказал, если в монтаже что-то повредят, будет чем заменить.

— Где резерв сейчас?

— Две коробки в технической кладовой. По остальным не знаю.

Мы не пошли за ними немедленно. Я оформила отдельное задание, указала состав группы и потребовала сначала сохранить запись камеры у кладовой. Лев подписал доступ. Оксана поставила время.

Кладовая находилась рядом с прачечной. Камера показывала дверь и половину коридора. За последний месяц ее открывали одиннадцать раз. Девять входов принадлежали Алексею и кладовщику, два — карте Виктора. В оба раза он появлялся поздно вечером, когда кладовщик уже ушел.

На стеллаже стояли две запечатанные коробки. Серийные номера входили в оплаченную партию. Мы вскрыли одну по акту. Внутри лежали новые блоки нужной модели.

— Значит, нормальные устройства были, — сказал Алексей.

— Как минимум эти восемь, — поправила я.

— Почему тогда в светильниках старые?

— Это и выясняем.

На второй коробке заводской скотч оказался разрезан снизу и заклеен прозрачной лентой. Внутри были пустые упаковки и четыре отработанных аккумулятора. Между ними лежала ветошь, чтобы коробка сохраняла вес.

Бригадир подрядчика, наблюдавший за вскрытием, потребовал записать, что его компания не отвечала за хранение.

— Запишем ваш комментарий дословно, — сказала Оксана. — И приложим договор, где указан ответственный за материалы до завершения монтажа.

— Договор готовил не я.

— Поэтому мы не спрашиваем, кто его готовил. Мы устанавливаем обязанности сторон.

Он позвонил руководителю и попросил заменить себя на объекте. Лев разрешил смену только после письменной передачи работ. Спор занял пятнадцать минут, но к утру у нас не должно было остаться человека, который устно снял с себя ответственность и исчез.

Мы проверили оставшиеся нераспечатанные коробки этой поставки. Из восьми блоков шесть были новыми, два — восстановленными. Накладная не допускала восстановленных компонентов.

Я почувствовала знакомое желание открыть все тридцать шесть светильников прямо сейчас. Оксана заметила, как я пересчитываю строки.

— Нет, — сказала она.

— Я еще ничего не предложила.

— Предложишь вскрыть весь корпус ночью.

— Нужно понять долю подмены.

— Для решения о допуске достаточно уже найденного. Полную выборку проведем посменно, с отдохнувшими специалистами. Сейчас ты составишь план и назначишь людей.

— Если локальный журнал удаляют во время нашей про-

верки, до утра могут изменить остальное.

— Поэтому помещение печатаем, записи копируем, материалы берем под охрану. Контроль не равен личному присутствию у каждого винта.

Лев слышал разговор. Я ожидала, что он поддержит немедленное вскрытие: ему нужен был быстрый ответ. Вместо этого он вызвал начальника охраны и распорядился поставить пост у кладовой.

— Завтра нужны три независимые группы, — сказал он.
— Я оплачу дополнительные часы.

— Состав определит Оксана, — ответила я.

— Я говорю о ресурсе, не о людях.

Это различие еще недавно пришлось бы объяснять. Теперь он провел его сам.

Мы опечатали кладовую. Алексей расписался последним и попросил копию акта.

— Зачем? — спросил Лев.

— Я принимал палету. Хочу знать, что именно нашли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.